

Юрий Михайлик

«Так уж им позволено – ХОТЯТ И ПОЮТ»

* * *

На глинистый берег, шипя, выкатывается вода.
И это, быть может, единственное, что не кончится никогда.
Разбитый рыбачий курень, забытый замшелый баркас.
И это, быть может, все, что останется после нас.
Тень от велосипеда бежит по пыльной земле,
четыре бутылки водки в авоське висят на руле.
Старик в обвисшей тельняшке – на спине она парусит.
Когда он домой доедет, он станет и пьян, и сыт.
И вот он спешит и крутит, стараясь держать по прямой.
Волна превращается в воду, пока он едет домой.
А я сижу над обрывом – вода, беда, ерунда –
и прямая черта над морем истаивает навсегда.

* * *

Сергею Рядченко

Сколько ж нужно горя вынести,
Чтобы так окаменеть...

Иван Рядченко. Стихи о каменных бабах

Степь приварена к морю припоем – полоской прибоя,
ярой сварой январской и жаркою сваркой июля,

и поди разбери, кто над кем тут стоит, карауля,
оловянные очи рассыпав в ночи над тобою.

Просто море и поле – отзвучия горя и боли,
лишь украшены волн и холмов полуночной резьбою,
паруса или кони по кромке, как тени разбоя –
там, где вольное море касается дикого поля.

Эти волны и травы тихи, но полны непокоя,
в них блуждают то рыбы, то звери, то тайные страсти...
И застыть, каменея от горя, и, обжегшись, заплакать от счастья,
если к ним прикоснуться – пускай не рукой, но строкою.

* * *

Матрос разбитого корабля,
захлебываясь в кислой воде,
еще прошепчет – земля, земля, –
зная, что земли никакой нигде.
Он слышит, что там, внутри темноты,
его настигает подводный гул.
На все ваши конкурсы красоты
следует приглашать акул.
Онемевшими пальцами шевеля,
он к волне, к последней любви, приник,
может, где-то во мраке и есть земля,
но гораздо ближе острый плавник.
Мягким властным изгибом волну рубя,
не спеша, но помня – еще быстрее! –
Большая Белая догонит тебя –
королева южных морей.
Нет земли нигде – но звезда вдали,
но предсмертное небо стоит стоймя,
где циклон опрокидывает корабли,
острозубых красавиц во тьме кормя.

* * *

Соловьи на зиму улетают в Магриб,
в Северную Африку, в кустарники на песке
и живут, посвистывая, хотя могли б
нечто ностальгическое распевать в тоске.
В соловьиных трелях, гремящих окрест,
дюны, будто волны, пытаются петь.
Александр Пушкин – из этих же мест –
не сюда ли рвался уплыть, улететь?
И на Черной речке, в морозном дыму,
ощутить внезапный обжигающий зной
да короткий посвист, сказавший ему –
нет, не перелетный, не выездной.
Соловьи вернутся под Курск и Тамбов,
в маленькие рощи вокруг села.
И во всю черемуху – такая любовь –
что любая Африка сгорит дотла.
Соловьи на зиму к теплу улетят,
просто через море – и дальше на юг.
Так у птиц заведено – летят как хотят.
Так уж им позволено – хотят и поют.

* * *

Прости-прощай, форжет энд форгив –
это чайный клипер проходит пролив,
австралийская шерсть и китайский чай,
форжет энд форгив, прости-прощай.

Китайский чай, австралийская шерсть,
океанов пять, континентов шесть,
свои белые крылья вполнеба раскрыв,
там чайный клипер уходит за риф.

Прощай и прости, форгив энд форгет,
ни на суше, ни в море спасенья нет,
над волной впереди полыхнет закат,
подними свой взгляд – паруса горят.

Австралийская шерсть и китайский чай,
эти скалы зовутся Прости-Прощай,
сколько старых галер пошли ко дну,
чтобы чайный клипер резал волну.

Оправданье погибших, надежда живых –
чайный клипер в ревущих сороковых,
это чая глоток, это шерсти клок,
этим курсом дьявол пройти не смог.

Бушприт над волной – смычок над струной,
небеса, наполненные тишиной, –
звезды яростной жизни – чумной, шальной –
это чайный клипер летит над волной.

Восемнадцать узлов, прости-прощай,
не ходи на причал, никого не встречай,
Паруса ушли облаками в рассвет.
Нас нигде уже нет. Форгив энд форгет.

* * *

Бедняги, вам не сладить с этим делом,
покуда к палке тянется рука,
законом, плетью, топором, расстрелом
не возродить родного языка.
Теплом и светом – к родине и дому,
добром к чужим неведомым словам,
на том же языке – но по-другому
и о другом... А главное – не вам.

* * *

Гвельфы и гибеллины – политическая возня,
в муниципальных архивах и не такое хранится.
«Божественная комедия» писалась на злобу дня,
потом для нее отлили серебряные страницы.
Обилие хищных животных. Флоренция – это рысь.
И пятна на рысьей шкуре от средневековых споров –
светская власть иль папская... Мгновение – повторись!
Восемь веков не сходят чумные следы узоров.

Поэма вполне актуальна, особенно в наших местах.
где папа и император не спорят, а совпадают,
где в народе царит ликованье, переходящее в страх,
рыдают сперва от счастья, а после просто рыдают.
Дело, конечно, не в этом, восемь веков – не срок.
И не в том – о чем и зачем – сочинял стихи Алигьери.
Теперь о его поэме написано больше строк,
чем те, что в ней уместились. Раз в десять, по крайней мере.

Комментаторы обозначат – где гвельф, а где гибеллин,
что в аду и в каком ряду, и в какой из частей поэмы...
При этом никто не помнит – в одной из русских былин
давно живет персонаж – воплощение сей проблемы.
Происхождение сомнительно. Хазар, а может, еврей.
Повстречав его на дороге, считай, ты уже покойник.
В сегодняшнем нашем тексте интересно, что он Соловей,
и, судя по качеству свиста, неважно, что он Разбойник.

Злоба довлеет дневи. Мы в ярости – кто да с кем,
а тот – холуй у тирана, а тот – на смерть за свободу.
Но дело, поверьте Данту, только в качестве наших поэм,
а вовсе не в нашей злобе, истаивающей сквозь годы.
Злоба дня увлекает. Но этот костер прогорит.
Уже спустя полстолетия никого не сразить сюжетом.
Жизнь создают интонация, энергетика, страсть и ритм,
И все соловьи и данты прекрасно знали об этом.

Сидней